

Через три дня, вечером, Чиаки принесла ноты ко мне домой.

— Почему тебя не было на крыше последние несколько дней? И сегодня тоже, ты вернулся домой сразу после школы! Сэмпай очень беспокоиться о тебе!

Одетая в форму Чиаки как обычно залезла на дерево во дворе и протиснулась через окно в мою комнату. И теперь отчитывала меня, размахивая стопкой рукописных нот.

— М-м-м...

Наматывая провода наушников на палец, я неопределенно ответил:

— Почему-то в последнее время мне не хватает энтузиазма.

— Это не может говорить тот, у кого и так никакого энтузиазма не было.

Мне стало ещё более грустно. Я залез на кровать и полностью накрылся одеялом.

— Прости, ничего не могу с собой поделать.

Чиаки села рядом с моей подушкой и стянула одеяло с моего лица. Затем она спросила:

— Эбисава снова тебе что-то наговорила?

Я не ответил и закрыл лицо подушкой. В моих мыслях был полный бардак.

— Эй, ты что, собираешься сказать что-то вроде: «Я хочу сдатьсь»?

— Наверное...

Я уже приготовился к удару или удушающему захвату «Треугольник» в исполнении Чиаки, но вместо этого она посмотрела на потолок и долго ничего не говорила.

— Я думала мы, наконец, создадим группу...

Я услышал, как она что-то бормочет. На секунду я подумал, что мне послышалось. Как только я поднял голову, чтобы посмотреть на Чиаки, она припечатала к моему лицу листы нот.

— Сэмпай потратила столько сил, когда писала к произведению Бетховена ноты для бас-

гитары, и всё ради тебя!

Я с ленцой начал разглядывать танцующих на нотном стане головастиков.

— Нет, не могу. Я ни за что не смогу сыграть это произведение.

— Это потому, что ты не тренировался, ведь так?

Чиаки попала в яблочко, и поэтому я накрылся одеялом и замер на кровати. Внезапно Чиаки всем весом своего тела уселась на меня верхом и начала тренироваться, барабана мне по спине. Четвертые, восьмые, триоли, шестнадцатые... Она стучала мне по спине барабанными палочками в точно выверенном темпе.

— Чиаки, больно же!

— Я знаю.

Что значит: «Я знаю»?! Что это за ответ?! Она продолжила выстукивать ритм, соблюдая один и тот же темп. Вскоре, моё внимание ослабло.

— Любому будет больно, если ударить прямо в сердце.

Я не имел ни малейшего представления, о чем она говорит. Но всё же, начал представлять боль, когда барабанят прямо по сердцу. Наверное, это настолько больно, что даже трупы повыпрыгивали бы из своих могил.

Я не знаю, входила ли она всё больше во вкус, но она начала медленней отбивать восьмые доли. Было ощущение, что моя голова — тарелка, правая рука — напольный том-том. Прекрати, стой — Чиаки-сан, мне очень больно! Вскоре произведение дошло до припева. Она начала несильно выстукивать шестнадцатые ноты на моем левом плече, которое заменяло малый барабан.

— Чиаки, постой, больно! Я же сказал, больно!

Я ерзал под одеялом, но мой противник — бывший черный пояс по дзюдо, и она очень хорошо знала, куда надо приложить силу, чтобы обездвижить меня. В конце концов, мне пришлось дожидаться, когда она отбарабанит всё произведение, прежде чем я высвободился из-под её «пятой точки».

— Знаешь, что это была за песня? — спросила Чиаки после того, как я с трудом, наконец, смог-таки вылезти из-под одеяла. На её лице появилась шаловливая улыбка.

— Hige to Voin группы Unicorn.*Имеется в виду японская группа.

— О, ты довольно внимательный.

Хотя такие случаи — редкость, но так же, как «Останься со мной» для бас-гитары, есть некоторые песни, которые можно мгновенно узнать, слушая только барабаны. На самом деле, это чудо могло случиться просто из-за того, что мы с Чиаки росли, слушая похожую музыку еще с детского сада, до того, как распались Unicorn.

— Но, к сожалению, ответ — Asia no Junshin.

— Ты что, издеваешься?!

Подумать только — я только что называл это чудом. Выходит, я идиот?

— Вовсе нет. Нам всё равно нужно стараться изо всех сил, даже если жизнь — скучная! Я буду за тебя болеть, совсем чуть-чуть.

С этими словами она взяла свои ботинки, которые до этого положила на мой стол, и выпрыгнула в окно... и почему просто не выйти через дверь?

И я снова один. Устроившись на кровати, я взял те самые ноты, что принесла Чиаки. Тема очень простая, и темп довольно медленный — думаю, я смог бы сыграть её сходу. До момента, когда второй, третий и четвертый голоса начинают постепенно накладываться друг на друга, сложность произведения не менялась. Даже предшествующие вариации намного трудней. Что касается фуги, мне придется играть такую же сложную мелодию, как и Мафую, до самого конца. Как ни крути, это невозможно! Я отбросил ноты, лег и уставился в потолок. Моя спина всё еще слегка болела после того, как Чиаки побарабанила по ней.

То, что вещь слишком трудная, или то, что у меня нет мотивации — это всё отговорки. Я прекрасно это знал. Поэтому Чиаки тоже могла об этом знать. Мне было просто стыдно. Я совсем не понимаю ситуацию, в которой находится Мафую, и всё же с такой горячностью бросил ей вызов. Чтобы вернуть кабинет и убивать время после школы — только из-за таких глупостей? Каким же я был идиотом. Но тогда я тем более не могу сейчас сдаться — иначе я буду еще большим идиотом.

Я быстро взял ноты и пошёл в гостиную — достать свою бас-гитару из кейса.

Когда я настраивал инструмент, вдруг порвалась струна. Будто она намекала, что это мне не по силам.

Я разлегся на диване, планируя отоспаться, но спина — в том месте, по которому барабанила Чиаки — снова разболелась. И я, засунув ноты в кейс, взгромоздил его на спину и вышел из

дома.

Когда я приблизился к магазину музыкальных инструментов Нагасимы, небо уже темнело. Сквозь щель толщиной с карандаш я увидел много разных гитар, светящихся под лампами магазина. Мне эта картина, почему-то, показалась настолько ностальгичной, что я чуть не прослезился. Я был в магазине всего один раз — и с чего такие эмоции?

Кагуразака-сэмпай следила за магазином одна, и покупателей тоже не было. Стоя по ту сторону прилавка, она осторожно и нежно протирала гриф гитары со снятыми струнами желтой тряпицей.

— Молодой человек, я как раз только подумала, что пора бы тебе объявиться! Здорово, не правда ли?

Заприметив меня, она отложила гитару и встала.

— Ты пришёл купить струны для своей бас-гитары, правильно?

Я удивился и ошарашенно кивнул. Откуда сэмпай это знать?

— Я должна кое за что извиниться перед тобой.

Сказав это, она достала со стеллажа сбоку от прилавка струны.

— За что же?..

— Если честно, я похимичила с третьей струной, чтобы она скорее порвалась.

— Ха-а-а? — странно проревел я. — И зачем же?

— Ты ведь быстро сдаёшься, так? Вот я и подумала, что ты можешь запереться дома, если вдруг надоест. Но если в тот момент порвется струна... Видишь, разве не идеальный повод прийти и повидаться со мной? Поэтому, давай я заплачу за них?

Улыбаясь, сэмпай достала из кошелька 3000-йеновую купюру и положила в кассу. По сравнению со струнами для гитары, струны для бас-гитары до ужаса дорогие, зато владельцы магазинов обычно помогают с их заменой. От удивления я на мгновение потерял дар речи. Я всегда думал, что струны быстро портятся из-за настройки, но, выходит, на самом деле они так легко не рвутся?

— Что бы ты делала, если бы из-за порванной струны я бросил бас-гитару?

— Я не смогла бы ничего сделать. Я уже этот вариант обдумывала — сдамся, если этому суждено случиться. Но ты ведь всё равно прибежал ко мне, разве нет?

Она произнесла всё это с улыбкой, но я не знал, что тут можно сказать.

— Ты получил ноты?

Я кивнул и вынул из кейса те самые рукописные партитуры от сэмпай.

— Итак, ты пришёл не для того, чтобы жаловаться, что ноты оказались слишком трудными, я права?

— Нет... ничего, — я отвел глаза и соврал.

— Какое место ты сейчас отрабатываешь?

— Четвертую вариацию...

Я так и не смог продвинуться дальше. А еще, у меня совсем не получается сыграть фугу, и не думаю, что получится.

Сэмпай быстро закончила настраивать бас-гитару с новыми струнами и начала играть, сидя на прилавке. Я слушал фугу со смешанными чувствами.

Музыка в исполнении Мафую, словно вытесана из гигантского столба льда. В сравнении, игра Кагуразаки-сэмпай похожа на солнечные лучи зимой — её музыка появилась ни с того ни с сего и пробилась прямо через облака. Просто невероятно слушать такой чистый звук, плывущий без запинки.

Закончив игру, сэмпай вернула мне бас-гитару. Но я не сразу смог повернуться к ней лицом.

— Это не так уж и сложно! И я даже не использовала никаких сложных приемов. Просто сбавь темп в два раза, и внимательно проиграй каждую ноту.

— Сэмпай... — тихо пробормотал я с всё еще опущенной головой.

— Хм-м?

— Почему ты не можешь завербовать Мафую без моей помощи? Ты всё равно лучше меня играешь.

— Разве я уже не говорила? Это должен сделать ты.

Я слабо помотал головой.

— Да и я не очень-то много разговариваю с Мафую. Она ничего не хочет мне рассказывать, я лишь только разозлил её...

Сэмпай достала из-за прилавка две круглые табуретки и поставила их между рядами с гитарами. Затем она заставила меня сесть, надавив руками мне на плечи.

— Дело не только в этом.

— Э?..

Я поднял голову. Сэмпай слегка отвела от меня взгляд, переводя его куда-то вверх.

— Дело не только в этом. Видишь ли, до того, как я узнала о существовании Эбисавы Мафую, я уже знала о тебе.

Мне понемногу становилось трудно дышать. О чём она сейчас говорит?

— Молодой человек, ты же знаешь журнал «Друзья музыкантов», да? В июльском выпуске два года назад, я прочла опубликованную в нём статью под названием «Гендель и стихи из Библии». Грубо говоря, статья о том, как произведения Генделя, включая и не музыкальные, могут быть интерпретированы, как стихи. Хотя логика немного натянутая, всё равно довольно поразительно. Эта статья меня тронула.

Всё ещё находясь в ступоре, я крепко вцепился в свою бас-гитару.

Разумеется, я знаю эту статью. Потому что она...

— Я посмотрела на имя автора, и оказалось, что это Хикава Тэцуро — критик, который мне хорошо знаком. Однако, было ощущение, будто что-то не так. Статья была написана на простом английском, который смогли бы понять ученики средней школы, и примеры, которые приводились в статье, Хикава Тэцуро не застал, когда учился в средней школе, так как ему уже за сорок.

— А...

Есть... есть кто-то, кто замечает это?

— Из-за этого смутного ощущения я начала подозревать весь текст. Достала старые выпуски и изучила их, прочитав каждую статью, написанную Хикавой Тэцуро. Почему-то несколько из них выделялись, и все они вызывали это странное ощущение. Я попыталась отыскать несколько обзоров концертов и смогла найти один для «Финляндии» Яна Сибулиуса в исполнении Берлинского оркестра в 1959 году под дирижерством Герберта фон Караяна.

Я сглотнул. Пересохшее горло отдало болью.

— Но после этого я не смогла найти более конкретных доказательств. Из журнала я тоже никого не знала — всё, что мне было известно, это то, что у Хикавы Тэцуро был ребенок. По какой-то, непонятной причине, он несколько раз упомянул о своем сыне в статьях, и даже написал его имя. Поэтому, когда я наткнулась на это имя в брошюре со списком новичков — думаю, ты понимаешь, насколько я была удивлена, да?

С легкой улыбкой на лице, сэмпай ткнула меня в нос.

— Преступник — это ты.

— Эм, что значит «преступник»?

— Все мои выводы правильные, не так ли?

Сэмпай вдруг приблизилась совсем близко к моему лицу, и я смог только кивнуть.

В мире всё же нашелся человек, вычисливший, что я пишу статьи под именем Тэцуро, просто прочитав их.

— Поэтому, я уже давно обратила на тебя внимание, молодой человек. Мне нужен секретарь в мою революционную армию, и мне не приходит в голову никто, более подходящий для этой должности, чем ты. Так, что я не прошу тебя присоединиться просто за компанию, пока мы пытаемся завербовать Мафую.

Сэмпай положила руки мне на плечи.

— Ты мне нужен.

Не говори таких вещей, когда ты находишься так близко ко мне, да ещё и наедине. В моей голове был бардак, и я не смог ничего сказать. Я отвернулся, избегая взгляда сэмпай, и положил бас-гитару в кейс.

— Но такой, как я...

Я дотронулся до кейса.

— Ведь не то чтобы группе будет какая-то польза, если я присоединюсь. Я не могу играть так же хорошо, как Мафую, и я вряд ли когда-нибудь сравняюсь с ней. Все это время, я... слушал музыку один.

Сэмпай прищурилась и довольно долго пристально смотрела на меня. Затем она неожиданно отвела взгляд и крикнула куда-то позади меня:

— Товарищ Айхара, может уже пора показаться? Не хочешь зайти?

Я в изумлении повернул голову. Чиаки стояла рядом с дверью, в тени гитар висящих на витрине. Она тихо вышла из укрытия. У неё проглядывало смущение на лице.

— Ты, наверное, преследовала его по пути сюда, так ведь? Как и ожидалось от бойца моей революционной армии. У тебя хорошие способности к секретным миссиям.

— Я не преследовала его, — сердито сказала Чиаки и, громко топая, подошла к нам. — Сэмпай, не говори того, что может испугать Нао!

— Твой ревностный взгляд тоже очень симпатичен!

Сэмпай с любовью похлопала Чиаки по голове. Я ошарашено взглянул на неё.

Она действительно следила за мной всё это время? Это правда или всё-таки нет?

Чиаки, насупившись, посмотрела на меня и сказала:

— Просто так получилось, что я пришла сюда, и совсем случайно вышло, что Нао был внутри, и мне стало неудобно заходить.

Утешая её, сэмпай сказала:

— Я понимаю, я понимаю... Товарищ Айхара, ты взяла с собой барабанные палочки?

— Барабанные палочки? — Чиаки склонила голову на бок и кивнула.

— М-м-м, я пойду разбуджу спящего владельца и возьму ключ от комнаты звукозаписи.

Сэмпай перевела взгляд на меня, и её рука приняла форму пистолета. Она сделала вид, что стреляет мне в грудь.

— Молодой человек, позволь мне разжечь твою страсть.

Третий этаж магазина музыкальных инструментов Нагасимы был переделан в комнату звукозаписи, которую сдавали в аренду. В длинном узком коридоре были две плотно закрытых двери. Я открыл одну, и передо мной предстала комната размером в четыре с половиной татами, половину которой занимали барабаны. По обеим сторонам — два гигантских усилителя для гитары. Были также микрофоны и оборудование для звукозаписи, а также удушающий запах дыма.

— Я позволила вам прийти сюда в качестве исключения, всё благодаря моим привилегиям работника этого магазина.

С этими словами, Кагуразака-сэмпай втолкнула меня в комнату звукозаписи. Чиаки зашла следом.

— Ух ты... давно я не играла на настоящих барабанах.

Чиаки уселась в центре барабанной установки и с довольным видом начала регулировать высоту малого барабана.

Кагуразака-сэмпай подключила мою и свою гитары к усилителям. Гитара сэмпай — Gibson Les Paul, который, говорят, стоит миллион йен. Хотя я не знаю, правда это или нет. Если да, то, скорее всего она из старой серии «Историческая коллекция». Судя по цветам гитары, это должно быть копия какой-то из 60-х.

Я перекинул ремень бас-гитары через плечо, и затем один раз робко ущипнул струну. Маленькую комнату наполнил неприятный гул.

По какой-то необъяснимой причине, она привела меня в эту комнату звукозаписи, вот так просто...

— Не нужно играть что-то чересчур сложное, молодой человек. Тебе просто нужно следовать за барабанами и играть «ре» восьмыми долями и все.

— Ха-а.

Высоко подняв барабанные палочки, Чиаки сказала: «Сэмпай, ты готова?»

Они на секунду переглянулись. Ровно в тот момент, когда звуки тарелок исчезли, меня окружила музыка, ступавшая тяжелыми шагами. Чиаки начала выбивать серии мощных восьмых на хай-хэте, а на барабанах в том же ритме триоли*Наверняка имеются в виду триоли четвертых, т. е. 1/12 ноты. Медленно поднимающиеся скрипящие гитарные рифы напоминали неуверенные шаги путешественника, направляющегося к морю с тростью в руке.

Я пытался подыграть в ритме Чиаки и тихо провел рукой по струнам. Сначала, я не мог поверить, что низкие ноты, давящие мне на живот, на самом деле издавались моей бас-гитарой. Затем три мелодии начали переплетаться...

После чего к ним добавился голос.

Это был голос Кагуразаки-сэмпай.

Словно шепот ночной пустыни; хотя её голос был слегка хрипловат, он доносился аж до горизонта в дали.

Kashmir группы Led Zeppelin.

Это песня, которую я слышал бесчисленное количество раз. Я слушал её в постели посреди ночи раз за разом — столько раз, что и не сосчитать. И теперь мои пальцы отыгрывали пульс этой песни.

Там где голос стихал, гитара отвечала похожей музыкой. Чиаки держала шаг и продолжала свой бесконечный марш. Я уже стер из памяти то, что сказала мне сэмпай. Когда гитара начала выводить извивающийся стиль арабской музыки, я начал искать низкие ноты, которые должны были быть спрятаны в песне, и выводил их кончиками пальцев.

Я действительно чувствовал, что песня может продолжаться вечно.

Поэтому, когда песня закончилась, появилось ощущение, будто меня оставили одного в бесплодной пустыне. Комната наполнилась гулом, но я больше не мог различить, был ли это просто шум, эхо или отголоски Kashmir'a, застрявшие у меня в ушах.

Лицо Чиаки было красным, и её взгляд изучал меня из-под вспотевшего лба. На её лице появилась торжествующая улыбка. Я отвел взгляд, и на этот раз перед моими глазами оказалась изящная Кагуразака-сэмпай.

Не знаю почему, но я не мог смотреть прямо ей в лицо.

— Молодой человек, как ты думаешь, что такое бас-гитара?

Я медленно поднял голову. На лице сэмпай не было улыбки, но её взгляд был мягким.

— Если мы посмотрим на группу, как на человека, то вокалист будет головой, а гитара — это руки...

Сэмпай перевела взгляд со своих рук в сторону Чиаки.

— Если барабаны — это ноги, то какую думаешь, часть тела представляет бас-гитара?

Я не мог отгадать загадку сэмпай. С момента, когда я родился, и до сих пор, я всегда был человеком, который просто плывет по течению.

Сэмпай наконец нежно улыбнулась, и быстрым шагом подошла ко мне. Она положила ладонь мне на грудь, и я от неожиданности подскочил. Тело замерло.

— Здесь, молодой человек.

Смотря мне прямо в глаза, она продолжила:

— Сердце. Ты теперь понимаешь? Без тебя мы не смогли бы двигаться.

Я был настолько ошарашен, что потерял дар речи. Вместо меня ответило биение моего сердца.

Если я посмотрю на группу, как на человека.

Я не двигался вперед, идя по их стопам. Как человек, впервые поместивший себя в звук вместе с другими, я был в этом абсолютно уверен. Если бы я слушал запись один в своей комнате, то, наверное, никогда бы этого не понял.

Тогда я, скорее всего, думал то же самое, что и сэмпай. Была бы здесь Мафую...

Звук её гитары. Был бы он здесь...

Крепко схватил гриф бас-гитары, я наконец-то понял, почему я играю на бас-гитаре. Это не оправдание, а настоящая причина — я играю, чтобы передать этот пылающий жар Мафую.

<http://tl.rulate.ru/book/23394/494931>